

ция сторонников князя, ссылавшихся не на «свидетельства», а на пример Христа, свидетельствует о каких-то исканиях в области культа. «Латинский» оттенок обряда «хождения посолонь» следует связать, может быть, с «латинскими» наклонностями Геннадия в последующий период, когда он из чудовских игуменов стал новгородским архиепископом. Но скольконибудь серьезное значение весь этот спор едва ли имел; недаром он не возобновлялся в последующие годы, и в обширной литературе геннадиевского кружка, как и в других церковно-полемиических сочинениях конца XV—начала XVI в., мы не встречаем о нем никаких упоминаний.

Догматический спор был, как мы можем полагать, и для великого князя и для митрополита лишь поводом для взаимных столкновений. Основным предметом борьбы были вполне светские вопросы. Вопросы эти нашли отражение в любопытном летописном памятнике, обнаруженном А. Н. Насоновым, — в своде 1488 (1489) г., вошедшем в состав другого свода — 1518 г., в свою очередь сохранившегося в виде двух летописей — Софийской II и Львовской.<sup>21</sup> Близость свода 1488 г. к митрополиту Геронтию не вызывает сомнений: об этом свидетельствует и состав свода, содержащего ряд документов, явно вышедших из митрополичьей канцелярии, и подробное, проникнутое горячим сочувствием митрополиту, изложение всех перипетий его борьбы с князем (мы уже приводили эти известия выше). Но наряду с рассказом о «распри» с митрополитом свод 1488 г. содержит непрерывный ряд известий о «распри» великого князя с другими политическими силами и неизменно повествует об этих «распри» в духе неодобрения великокняжеской политики. Здесь рассказывается, как Василий II послал «смертным зелием уморити» Дмитрия Шемяку;<sup>22</sup> как погибла от «смертнаго зелия» первая жена Ивана III, «тверянка», причем виновником ее гибели был ближайший сподвижник великого князя;<sup>23</sup> с явным сочувствием братьям Ивана — удельным князьям повествуется о их столкновениях с великим князем;<sup>24</sup> автор сочувствует «обидам», понесенным тверскими боярами от «московских детей боярских»;<sup>25</sup> он рассказывает о «пакостях», которые учинил в Киеве крымский хан Менгли-Гирей, напавший на город по прямому повелению Ивана III;<sup>26</sup> тщательно и несомненно сознательно подбирает летописец известия о всевозможных казнях и репрессиях, совершенных по приказу великого князя.<sup>27</sup>

Характеризуя эту серию известий свода 1488 г., А. Н. Насонов полагает, что митрополит осуждает здесь князя за его «узко московский патриотизм»,<sup>28</sup> противопоставляя ему как бы более широкую общерусскую точку зрения. Едва ли с этим можно согласиться. Мы не находим в своде 1488 г. никаких признаков национально-объединительных тенденций. Выступая с оппозицией великокняжеской власти, связанный с митрополитом летописец берет под защиту крупных феодалов. В одном только случае свод 1488 г. критикует князя за его недостаточную решительность в борьбе с внешним врагом: в рассказе о «стоянии на Угре». Однако значительная часть рассказа об Угре в своде 1488 г. представляет собой

<sup>21</sup> Ср.: А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия Акад. наук, отд. гуманитар. наук, 1930, № 10, стр. 714—719.

<sup>22</sup> ПСРЛ, т. XX, стр. 262 (в СЗЛ этого известия нет).

<sup>23</sup> ПСРЛ, т. XX, стр. 277; т. VI, стр. 186.

<sup>24</sup> ПСРЛ, т. XX, стр. 336; т. VI, стр. 222. Ср.: ПСРЛ, т. XX, стр. 353; т. VI, стр. 238.

<sup>25</sup> ПСРЛ, т. XX, стр. 352; т. VI, стр. 237.

<sup>26</sup> ПСРЛ, т. XX, стр. 349; т. VI, стр. 234.

<sup>27</sup> ПСРЛ, т. XX, стр. 349, 353; т. VI, стр. 235, 238.

<sup>28</sup> А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 720.